Е.И. РОГАЛЁВА
(Псков)

ПРИЕМЫ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ДЕКОДИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОКСЮМОРОНОВ В УЧЕБНОМ СЛОВАРЕ (на лингвокраеведческом материале)*

Обосновывается авторская концепция лексикографической разработки фразеологических оксюморонов в учебных лингвокраеведческих словарях. Подробно рассматриваются приемы фразеографического описания контрарных оксюморонов. Приводятся примеры словарных статей.

Ключевые слова: *учебная фразеография, лингвокраеведение, фразеологический оксюморон, этимологический комментарий, словарная статья.*

«Фразеология для маленьких псковичей» – так называется новый проект, продолжающий серию лингвокраеведческих словарных разработок экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского университета [13–15].

Согласно нашей фразеографической концепции [15], реализация эффективных приемов декодирования фразеологической образности и репрезентация механизма фраземообразования осуществляются в рамках дискурсивного подхода к конструированию словарной статьи, таким образом, дискурсивно-когнитивное освещение получает не только семантика языкового знака [2], но и история его происхождения. В предлагаемой лексикографической модели этимологического парафразирования научная версия происхождения фразеологизма выступает в качестве текста-основы (первичного текста), на базе которого конструируются вторичные тексты, интерпретирующие этимологическую версию с учетом фактора адресата, адаптирующие ее к новым условиям учебной коммуникации. Этимологическое парафразирование носит метаязыковой характер и обеспечивает адекватную словарную репрезентацию историко-этимологической, лингвокультурологической и лингвокраеведческой информации в учебном фразеологическом словаре, что гарантирует успешность понимания ребёнком механизма фраземообразования. В этом смысле этимологическую парафразу можно квалифицировать как лексикографическую модель процесса фраземообразования.

Этимологическое парафразирование рассматривается нами как речевая тактика интерактивного учебного дискурса. Эта речевая тактика реализуется в системе коммуникативных ходов лексикографической этимологизации, которые могут быть определены как приемы, используемые лексикографом в интерактивном дискурсе с целью репрезентации процесса фраземообразования адресату словаря.

Этимологизирующий лексикографический прием может состоять из нескольких лексикографических шагов – действий, направленных на решение конкретной промежуточной задачи при этимологизации фразеологической единицы (ФЕ). При реализации одного лексикографического приема (или при одновременном использовании двух и более) образуется этимологический модуль.

Лексикографические приемы, или же коммуникативные ходы этимологизации, подразделяются на интерпретационные (собственно этимологизирующие) и текстоорганизующие. Первые раскрывают непосредственно механизм фраземообразования и в основном закреплены за определенным тропеическим типом ФЕ. Таким образом, этимологическая репрезентация ФЕ в определенной степени алгоритмизируется.

Здесь мы рассмотрим приемы этимологического декодирования фразеологических оксюморонов в учебном лингвокраеведческом словаре. Отождествление фразеологического оксюморона (оксиморона) с понятием фразеологического алогизма – современная тенденция теории фразеологии. Согласно подходу Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семененко, оксюморонная база фраземообразования понимается широко, под нее подводятся «и сочетания с разными значениями, и высказывания-парадоксы» [1, с. 185].

Полагаем, что адекватное словарное описание фразеологического оксюморона возможно лишь при сужении данного понятия до классического понимания данного тропа как «фигуры алогизма, состоящей в сочетании противоположных по смыслу слов с целью показать противоречивость, сложность объекта» [11, с. 208]. Логическая несовместимость

* Исследование выполнено в рамках проекта № 15-16-60001, а(р), 2015 г., поддержанного грантом РГНФ.

© Рогалёва Е.И., 2015

компонентов и отношения контраста между ними признаются непременным условием существования оксюморона и другими авторами ([6, с. 423; 17, с. 332; 4, с. 286; 7, с. 95; 20, с. 82; 22, с. 134] и др.).

Поскольку в рамках нашей лексикографической концепции фразеологизмы рассматриваются как микротексты, «где свернутым оказывается достаточно большой объем культурно маркированной и культурно значимой информации» [9, с. 88], имеет смысл привести также определение М.М. Халикова, где оксюморон характеризуется как контекст, в котором имеет место противоречащее нормам рационального мышления соединение (синтез) значений антонимичных слов, в результате чего они приобретают тождественную референтную отнесенность [23].

А.П. Сковородников пишет, что так или иначе оксюморон, будучи нарушением логического закона противоречия (= непротиворечия), может быть отнесен к числу паралогических риторических приемов. В оксюмороне в результате соединения не совместимых с логической точки зрения понятий рождается новое сложное понятие или представление [24, с. 195]. В.П. Москвин также отмечает, что в основе оксюморона как разновидности нарочитого абсурда лежит нарушение логического закона непротиворечия, в соответствии с которым суждение и его отрицание не могут быть одновременно истинными применительно к одному и тому же объекту [12, с. 495–496]. Таким образом, фразеологический оксюморон как один из контрастных тропов отличает то, что он образуется с помощью операции столкновения сем в результате противоречия, проистекающего из их логической несовместимости. Именно контраст фраземообразующих компонентов, как пишут Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семененко, является источником образности оксюморонных фразем [1, с. 188].

В нашем материале мы выделяем фразеологические оксюмороны, в основе которых лежат а) контрарная, градуальная (*белая ворона, дела как сажа бела*) и б) комплементарная, бинарная (*чист как трубочист, выйти сухим из воды*) противоположности компонентов. Различия данных видов противоположностей отражаются в нюансах реализации интерпретационных приемов этимологического парафразирования с семантическим маркером *нелепица*, указывающим на логико-семантические отношения компонентов фразеологизма-оксюморона.

В данной статье мы остановимся на приемах фразеографического описания контрарных оксюморонов. Для разработки контрарных ФЕ-оксюморонов *белая ворона, дела как сажа бела* актуальна мысль Л.А. Новикова о том, что качество (*черный*) без заложенной в нем самом противоположности другому качеству (*белый*) потеряло бы свою определенность. Каждый из антонимов, отражающих эти понятия, фактически заключает в себе самом (в явной или неявной форме) свою противоположность: данное положение, по наблюдениям Л.А. Новикова, часто подтверждается существующей лексикографической практикой, например, в словаре С.И. Ожегова (1968, с. 867): *черный* –‘цвета сажи, угля’; противоп. *белый* [16, с. 59–60].

Качественная противоположность понятий (*черный – белый*), на которой строится образ ФЕ-оксюморонов *белая ворона, дела как сажа бела*, представлена крайними точками, однако допускает градуальные оппозиции*: белый – серый – черный*. Отсюда целесообразность использования интерпретационного приема **семантической градации (x – z – y)** при этимологизации данных фразеологизмов в учебном словаре. Цель данного приема – показать градуальную противоположность качеств и раскрыть мотив выбора крайних точек противопоставления. Как пишет Н.Д. Арутюнова, «черно-серая ворона является объектом таксономической деятельности. Это просто ворона. Белая же ворона составляет объект семантических усилий человека. Это уже не просто ворона, а белая ворона» [3, с. 65–66]. В ходе рассуждений о фразеологизме *белая ворона* О.И. Глазунова подчеркивает, что, как и любой языковой парадокс, это выражение основано на внешнем противоречии, которое устраняется при дополнительном разъяснении или при сопоставлении с предшествующим опытом индивида [8]. С помощью лексикографических разъяснений возможно устранить данное противоречие и показать, что оксюморон, представляя собой «утверждение истинное, однако внешне противоречивое, парадоксальное, алогичен только в формальном отношении, по содержанию же логичен и правдоподобен» [12, с. 495–496].

Однако прежде обратим внимание на то, что в основе тропеического механизма ФЕ *белая ворона* лежит не только основное (оксюморон), но и поддерживающее (метафора) тропеическое средство, и адекватное декодирование оксюморона становится возможным благода-

ря предваряющему словарному описанию поддерживающей метафоры. Здесь мы используем классификацию Н. Ю. Степановой, которая разделяет стилистические средства, участвующие в реализации контраста, на основные (оксюморон, антитеза) и сопутствующие (образное сравнение, скрытое сравнение: метафора, метонимия, эпитет и др.) [21, с. 13].

С целью декодирования сопутствующей метафоры целесообразно использовать такой лексикографический прием, как **экспликация сходства** (в данном случае признаком, мотивирующим перенос, является сходство впечатлений, а направление метафоризации задается вектором *птица > человек*). Уже на этой стадии этимологизации ФЕ появляется возможность введения лингвокраеведческой информации: читатель вместе с авторами отправляется на прогулку в Детский парк Пскова, где издавна обитает много ворон. Ребёнку предлагается обратить внимание на стайку ворон, расположившуюся «на горке, где стоит церковь, названная в честь святого Василия. Она так и называется – церковь (храм) Василия на Горке»: здесь и черные, и серые вороны и одна белая. Адресат-ребенок должен ответить на вопрос: с какой из этих ворон можно сравнить человека – не такого, как все остальные?

– Ну, конечно, ни с чёрной и ни с серой. Это обычные вороны, которых мы встречаем каждый день. В отличие от них белая ворона – редкое явление в мире природы. Именно поэтому ***белой вороной*** *называют человека, резко отличающегося от окружающих, возможно, одаренного и даже талантливого, но странного, не такого, как все.*

Но переносное значение выражения ***белая ворона*** *основывается не только на сходстве впечатлений от белой вороны и необычного человека. Разгадка образования нашего фразеологизма таится в «хитром» сочетании слов –* ***ворона*** *и* ***белая.*** Таким образом, после экспликации сходства, на базе которого осуществляется метафорический перенос, и указания направления переноса задается прагматическая установка следующего фрагмента-модуля этимологического интерактивного текста – декодирование контрарного оксюморона. Здесь, как и в других случаях, оно будет реализовано с помощью лексикографического приема **семантической градации** ***(x – z – y).***

Читателю предлагается рассмотреть цветовой ряд (рисунок-схема: цветовая гамма с 10 оттенками от черного до белого) и сделать выводы о соотношении значения слов-цветообозначений:

<…> Самые крайние, противоположные цвета – это чёрный и белый. Между ними находятся разные оттенки серого. Так и слова ***чёрный*** *и* ***белый*** *являются противоположными по своему значению. Этого не скажешь, например, про слова* ***чёрный*** *и* ***серый,*** *ведь они обозначают цвета, которые находятся рядом.*

На следующем текстовом модуле можно проследить реализацию интерпретационного этимологизирующего приема **контрастного переосмысления.** Его использование обусловлено тем, что, как отметает Т.Г. Бочина, в оксюмороне нарушение законов синтагматического согласования стимулирует адресата речи к поиску оснований для объединения несовместимых признаков и разрешению противоречия [5, с. 393]. Использование данного приема позволяет адресату понять, что, говоря словами Н.В. Павлович, «в оксюмороне противоречие ощущается, а затем разрешается, и если оно не ощущается, то это не оксюморон, а если не разрешается – то бессмыслица» [18, с. 240].

Отметим, что в данном случае контрастное переосмысление возможно только в совокупности с контекстной семантизацией компонентов ФЕ, включающей элементы историко-этимологического комментирования:

<…> Оказывается, ворону назвали по чёрному цвету. ***Ворон****ы относятся к семейству* ***ворон****овых (или* ***вран****овых). А корень этих слов имеет значение «****чёрный****». Этот корень очень древний. Он появился более 7 тысяч лет назад и звучал чуть-чуть по-другому. Так что если мы переведем слово ВОРОНА на современный русский язык, то получим – «чёрная». А у нас БЕЛАЯ.*

В нашем выражении ***белым*** *названо то, что* ***чёрное.*** *Получается, что* ***белая ворона*** *– фразеологическая нелепица. Но только не для тебя. Потому что теперь ты знаешь, что противоположные по значению слова* ***белый*** *и* ***чёрный*** *специально сталкиваются в данном выражении, чтобы очень образно и необычно сказать о человеке, резко отличающемся от окружающих.*

Являясь синкретичным тропом, оксюморон взаимодействует не только с метафорой, как было показано выше, но и с образным сравнением, где оно также является поддерживающим тропом, реализующим смысловые отношения дополнения. Особенности этимоло-

гизации таких оборотов, также репрезентирующих контрарную (градуальную) противоположность, рассмотрим на материале устойчивых сравнений (УС) оксюморонного типа (например, *дела как сажа бела*).

Интерактивное этимологическое «развертывание» таких контрарных УС-оксюморонов в конфигурации 1-го уровня (своеобразное этимологическое резюме) осуществляется трехступенчато. Сначала посредством приема семантической градации (характерного для разработки контрарных фразеологизмов-окюморонов) и обоснования выбора объекта сравнения (типичного для этимологического декодирования компаративных фразеологических единиц) описываются логико-семантические отношения компонентов компаративной части сравнения. Затем с помощью приема контрастного переосмысления (используемого при этимологизации фразеологических окюморонов) разрешается противоречие между компаративной частью и основанием сравнения и формулируется вывод о развитии фразеологического значения.

Этимологическая конфигурация 1-го уровня, сконструированная с помощью названных лексикографических приемов, может быть развернута в различные варианты интерактивного лингвокраеведческого гипертекста.

Вариант 1 предполагает введение авторитетного персонажа-рассказчика, которому близка тематика фразеологизма. В данном случае это В.Ю. Козмин – хранитель музея «Мельница в деревне Бугрово», который находится в Пушкиногорском заповеднике. Вместе с ним маленький читатель попадает в «псковскую деревню», которая воссоздана рядом с мельницей, как и было во времена Пушкина. Вот большой крестьянский дом с крытым хлевом и двором, амбар, баня, помещение для хранения сена и соломы – сельник, гумно с овином. Далее Вячеслав Юрьевич приглашает читателя в избу, которая разделена на две половины. Одна топилась «по-черному», другая – «по-белому».

Далее в качестве рассказчика используется реалия, ассоциативно связанная с компонентами фразеологического образа. В нашей этимологической парафразе печка в «белой» избе уже в сказочном контексте «обращается за помощью» к Вячеславу Юрьевичу и ребенку-читателю, используя фразеологизм *дела как сажа бела,* рассказывает о своей неудаче – сгорели пирожки, которыми она хотела их угостить. «Виртуально» рассматривая печку вместе с хранителем музея, читатель знакомится с ее устройством, «видит» серую золу и черную сажу (начинается использование приема семантической градации).

При словарной разработке УС-оксюморонов следует также учесть, что многим из них присущ эвфонический характер. Специфику ФЕ данного типа отмечает И.В. Кузнецова: «Эвфония играет немаловажную роль в продуктивной воспроизводимости и экспрессивной емкости фразеологизма. Рифмуются и ассонируются чаще всего лексемы (или их части) основания сравнения и его компаративной части: *чист как трубочист; мило как собаке мыло; умен как поп Семен; плоду что от камня меду; умница как попова курица; дела как сажа бела* [10, с. 8–9].

С целью указания на особенности ритмической организации оборота во вводный модуль нашего текста включен следующий фрагмент:

<…> – Ну что же! Давай золу из печки выгребать, стенки от сажи вычищать, да дальше рассуждать. Смотри-ка, прямо в рифму получилось! Кстати, вы заметили, что и сам наш фразеологизм ***дела как сажа бела*** *тоже построен на рифме: «****дела****» и «****сажа бела****»?*

Заметили. Но ведь с таким же успехом можно рифмовать «дела» и «зола бела». Почему же именно с ***сажей,*** *а не с золой сравниваются дела в нашем фразеологизме?*

Далее в «ответе» печки завершается реализация этимологизирующего приема семантической градации:

<…> Тут всё дело в цвете. Зола серая, а для большего контраста нужен именно ***чёрный*** *цвет. А это цвет* ***сажи.*** *Но в нашем фразеологизме* ***сажа*** *БЕЛАЯ. Именно в этом «неправильном» сочетании слов –* ***сажа*** *и* ***белая –*** *и кроется разгадка происхождения нашего фразеологизма.*

Этот этимологический модуль без изменения диалогового режима плавно переходит в следующий, сконструированный посредством лексикографических приемов обоснования выбора объекта сравнения и контрастного переосмысления с использованием семантического маркера *нелепица*:

<…> – Итак, дела в нашем выражении сравниваются с цветом сажи, то есть с ***чёрным.*** *Известно, что* ***чёрный*** *цвет является символом горя, печали. Но* ***чёрное (сажа)*** *в нашем фразеологизме названо* ***белым.***

– Зачем же нужна эта нелепица? Ведь всем понятно, что ***чёрное*** *никогда не будет* ***белым.***

– Так затем и нужно, чтобы о крупных неудачах сказать в шутливой форме – так ведь легче воспринимать ситуацию.

Такой вывод об образовании фразеологического оксюморона, представляющий собой этимологическую конфигурацию 1-го уровня, согласуется с утверждением Т.Г. Бочиной о том, что «в оксюмороне, выражающем противоречивую целостность противоположностей, явный контраст служит усилению неявного тождества, объединяющего противоположности» [5, с. 228].

Второй вариант этимологического лингвокраеведческого гипертекста словарной статьи «Дела как сажа бела» можно сконструировать, заменив лишь вводный этимологический модуль, подготавливающий адресата к раскрытию мотивировки оборота. Вместе с авторами читатель отправляется в псковский Театр кукол на спектакль «Дела как сажа бела», где загадку образования данного фразеологизма раскрывает сказочная героиня Золушка. Выбор данной рассказчицы также мотивирован тематически и даже словообразовательно: *С сажей, золой и мукой мне приходится сталкиваться каждый день. Их легко различить по цвету. Мука – белого цвета, её получают после перемалывания зерён. Зола – серая. В неё превращаются сгоревшие дрова. Кстати, меня прозвали Золушкой, потому что вечером, окончив работу, я люблю посидеть в уголке возле камина на ящике с золой.* ***Сажа – чёрная.*** *Это осадок от дыма, чёрное мучнистое вещество, копоть.*

Таковы приемы фразеографического описания контрарных оксюморонов, позволяющие отразить различные нюансы этнокультурной специфики фразеологизма, раскрыть его лингвокультурологический и краеведческий потенциал в ходе этимологического комментирования и сделать этот комментарий доступным нашему адресату.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф., Семененко Н. Н. Фразеология и паремиология: учеб. пособие для бакалавр. уровня филол. образования. М.: Флинта: Наука, 2009.
2. Алефиренко Н.Ф. Семантика языкового знака в дискурсивно-когнитивном освещении // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2006. № 3. С. 3–7.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Яз. рус. культуры, 1999.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004.
5. Бочина Т.Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2003.
6. Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка. Ростов н/Д.: Феникс, 1995.
7. Гаврин С.Г. Фразеология современного русского языка (в аспекте теории отражения). Пермь: Пермский гос. пед. ин-т, 1974.
8. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. СПб.: Изд-во «Питер», 2000 [Электронный ресурс]. URL: http://www.philology.ru/linguistics1/glazunova-00.htm (дата обращения: 24.11.2012).
9. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.: Гнозис, 2008.
10. Кузнецова И.В. Устойчивые сравнения русского языка (в сопоставлении с украинскими и сербохорватскими): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995.
11. Москвин В.П. Выразительные средства современной речи: тропы и фигуры. Общая и частная классификации. М.: ЛЕНАНД, 2006.
12. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: Терминологический словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2007. 940 с.
13. Никитина Т.Г. Лингвокраеведческая репрезентация топонимии как средство социокультурной адаптации иноязычных студентов в регионе обучения // Вестник Орловского государственного университета. Сер.: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2 (43). С. 237–240.
14. Никитина Т.Г. Лингвокраеведческий словарь как научно-исследовательский проект и учебное пособие // Альманах современной науки и образования. 2014. № 4. С. 116–118.
15. Никитина Т.Г., Рогалева Е.И. Псков: История и культура в городских названиях // Мир русского слова. 2012. № 2. С. 104–114.
16. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположностей в лексике). М.: Изд-во МГУ, 1973.
17. Новиков Л.А. Противоречие как художественный прием // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика Виноградова В.). М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 1995. С. 326–334.
18. Павлович Н.В. Семантика оксюморона // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С. 238–247.
19. Рогалёва Е.И. Современная учебная фразеография: теория и практика. Псков: ООО «ЛОГОС Плюс», 2014.
20. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985.
21. Степанова Н.Ю. Контраст как средство создания комического эффекта (лингвостилистический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

22. Учебный словарь лингвистических терминов / Л.А. Брусенская, Г.Ф. Гаврилова, Н.В. Малычева. Ростов н/Д.: Феникс, 2005.

23. Халиков М.М. Лексико-семантическая характеристика антонимических контекстов (на материале современного немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Л., 1983 [Электронный ресурс]. URL: http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/leksiko-semanticheskaja-harakteristika-antonimicheskih-kontekstov.html (дата обращения: 18.07.2013).

24. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. М.: Флинта: Наука, 2009.

* * *

1. Alefirenko N. F., Semenenko N. N. Frazeologija i paremiologija: ucheb. posobie dlja bakalavr. urovnja filol. obrazovanija. M.: Flinta: Nauka, 2009.

2. Alefirenko N.F. Semantika jazykovogo znaka v diskursivno-kognitivnom osveshhenii // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2006. № 3. S. 3–7.

3. Arutjunova N.D. Jazyk i mir cheloveka. M.: Jaz. rus. kul'tury, 1999.

4. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskih terminov. M.: Jeditorial URSS, 2004.

5. Bochina T.G. Kontrast kak lingvokognitivnyj princip russkoj poslovicy: dis. ... d-ra filol. nauk. Kazan', 2003.

6. Vvedenskaja JI.A. Slovar' antonimov russkogo jazyka. Rostov n/D.: Feniks, 1995.

7. Gavrin S.G. Frazeologija sovremennogo russkogo jazyka (v aspekte teorii otrazhenija). Perm': Permskij gos. ped. in-t, 1974.

8. Glazunova O.I. Logika metaforicheskih preobrazovanij. SPb.: Izd-vo «Piter», 2000 [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.philology.ru/linguistics1/glazunova-00.htm (data obrashhenija: 24.11.2012).

9. Krasavskij N.A. Jemocional'nye koncepty v nemeckoj i russkoj lingvokul'turah. M.: Gnozis, 2008.

10. Kuznecova I.V. Ustojchivye sravnenija russkogo jazyka (v sopostavlenii s ukrainskimi i serbohorvatskimi): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 1995.

11. Moskvin V.P. Vyrazitel'nye sredstva sovremennoj rechi: tropy i figury. Obshhaja i chastnaja klassifikacii. M.: LENAND, 2006.

12. Moskvin V.P. Vyrazitel'nye sredstva sovremennoj russkoj rechi. Tropy i figury: Terminologicheskij slovar'. Rostov n/D.: Feniks, 2007. 940 s.

13. Nikitina T.G. Lingvokraevedcheskaja reprezentacija toponimii kak sredstvo sociokul'turnoj adaptacii inojazychnyh studentov v regione obuchenija // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Novye gumanitarnye issledovanija. 2015. № 2 (43). S. 237–240.

14. Nikitina T.G. Lingvokraevedcheskij slovar' kak nauchno-issledovatel'skij proekt i uchebnoe posobie // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija. 2014. № 4. S. 116–118.

15. Nikitina T.G., Rogaleva E.I. Pskov: Istorija i kul'tura v gorodskih nazvanijah // Mir russkogo slova. 2012. № 2. S. 104–114.

16. Novikov L.A. Antonimija v russkom jazyke (Semanticheskij analiz protivopolozhnostej v leksike). M.: Izd-vo MGU, 1973.

17. Novikov L.A. Protivorechie kak hudozhestvennyj priem // Filologicheskij sbornik (k 100-letiju so dnja rozhdenija akademika Vinogradova V.). M.: In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova RAN, 1995. S. 326–334.

18. Pavlovich N.V. Semantika oksjumorona // Lingvistika i pojetika. M.: Nauka, 1979. S. 238–247.

19. Rogaljova E.I. Sovremennaja uchebnaja frazeografija: teorija i praktika. Pskov: OOO «LOGOS Pljus», 2014.

20. Rozental' D.Je., Telenkova M.A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskih terminov. M.: Prosveshhenie, 1985.

21. Stepanova N.Ju. Kontrast kak sredstvo sozdanija komicheskogo jeffekta (lingvostilisticheskij aspekt): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2009.

22. Uchebnyj slovar' lingvisticheskih terminov / L.A. Brusenskaja, G.F. Gavrilova, N.V. Malycheva. Rostov n/D.: Feniks, 2005.

23. Halikov M.M. Leksiko-semanticheskaja harakteristika antonimicheskih kontekstov (na materiale sovremennogo nemeckogo jazyka): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. L., 1983. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/leksiko-semanticheskaja-harakteristika-antonimicheskih-kontekstov.html (data obrashhenija: 18.07.2013).

24. Jenciklopedicheskij slovar'-spravochnik. Vyrazitel'nye sredstva russkogo jazyka i rechevye oshibki i nedochety / pod red. A.P. Skovorodnikova. M.: Flinta: Nauka, 2009.

Methods of etymological decoding of phraseological oxymorons in learner's dictionaries (based on the local linguistic material)

There is substantiated the author's conception of the lexicographic development of phraseological oxymorons in learner's local linguistic dictionaries. There are thoroughly considered the methods of phraseographic description of contrary oxymorons. There are given the examples of dictionary entries.

Key words: *learner's phraseography, local linguistic study, phraseological oxymoron, etymologic commentary, dictionary entry.*

(Статья поступила в редакцию 8.06.2015)